

РОССИЯ И СИБИРЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106

УДК 316.4/6

Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты

Шамиль Фаритович Фарахутдинов¹, Вера Павловна Ключева²

¹ кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень, РФ); старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН (г. Тюмень, РФ)
ORCID: 0000-0002-0849-7248
fshamil@mail.ru

² кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень, РФ)
ORCID: 0000-0001-5594-3952
vormpk@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям этноконфессиональной и региональной идентичности населения Тюменской области. Актуальность данного исследования связана с необходимостью иметь научно обоснованные представления об установках многонационального населения региона в условиях интенсификации миграционных процессов, нестабильной внутри- и внешнеполитической ситуации в стране. В работе анализируются результаты социологического опроса, реализованного авторами в мае-июле 2022 г. в Тюменской области. Эмпирический материал представлен в сопоставлении ответов на вопросы анкеты студентов и основного населения. Представлен анализ двух основных тематических блоков исследования. В первом, посвященном гражданской и региональной идентичности, рассмотрены такие аспекты, как ощущение общности с гражданами России, терминологические проявления этнических/политических аспектов этого самоощущения, а также консолидирующие факторы и их ценностная основа, территориальная специфика восприятия понятия «родина», важность региональной идентичности и «малой родины». Второй блок раскрывает вопросы, связанные с этнической идентичностью респондентов. Здесь рассмотрены такие аспекты, как этническая идентичность, факторы и оценка важности принадлежности к своему этносу, этнообъединяющие признаки, влияние этноса на различные сферы жизни, историческая память, межэтнические отношения и проявления бытового национализма. Частично затронуты языковые и конфессиональные аспекты. По результатам работы сделан вывод о положительной валентности этнической ценностно-нормативной структуры и отсутствии в межличностной коммуникации населения региона существенных преград, связанных со сложившимися моделями идентичности.

Ключевые слова: этнос, конфессия, язык, идентичность, гражданственность, патриотизм, толерантность, регион, население, социологическое исследование.

Цитирование: Фарахутдинов Ш. Ф. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты / Ш. Ф. Фарахутдинов, В. П. Ключева // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 3 (21). С. 92-106.

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106

ВВЕДЕНИЕ

Групповая (коллективная, консолидированная) идентичность граждан, обеспечивающая народное согласие, является важным фактором государственной стабильности. Такая идентичность может проявляться как в форме отождествления индивида с социумом, формируя образ «мы», так и эмоциональное восприятие общей культуры, языка, истории [2].

Этнокультурная идентичность, являясь одной из базовых, в существенной степени влияет на процесс отождествления человека со своей этнической группой и формирует позицию человека по ряду социально значимых вопросов. Это обстоятельство делает феномен этнокультурной идентичности предметом исследований широкого круга дисциплин, среди которых: психология, этнология, антропология, экономика, география и др. С точки зрения социологии идентичность как важнейшее социально-психологическое свойство человека формируется в процессе социализации и предопределяет поведение индивидов и специфику функционирования образуемых ими социальных групп.

Актуальность исследований по этнической тематике не снижается на протяжении последних нескольких десятилетий, что связывается с социальным запросом, возникшим в результате усиления глобализации, ростом миграционных процессов культурной гетерогенности общества. Этнос как межпоколенное образование, в которое человек включен на протяжении всей своей жизни, обладает стабильностью. По сравнению с другими социальными группами, этнос более устойчиво удовлетворяет естественную потребность человека в принадлежности к определенной группе. Несмотря на некоторое размытие этнокультурных установок в условиях тотальной цифровизации, этническая идентичность остается для большинства надежным социально-психологическим убежищем [11]. Для современного российского общества актуальность исследований по этнокультурной тематике связана с необходимостью иметь четкие научно обоснованные представления об установках многонационального населения страны в условиях нестабильной внутри- и внешнеполитической ситуации.

Особое значение исследование этнокультурной идентичности приобретает в молодежной среде. Как наиболее активная и неустойчивая в социально-психологическом отношении группа, молодежь подвержена воздействию ряда факторов, важнейшим из которых является виртуализация социальной жизни. Возникновение принципиально иного формата социализации, детерминированного новыми символами, смыслами и типами взаимоотношений, существенно затрудняет прогнозирование вектора формируемых этнокультурных установок молодежи. В то же время, характер таких установок способен оказывать влияние не только на жизненный путь молодого человека, но и определять социально-политическую стабильность российского социума [12].

Региональная идентичность, в отличие от других форм коллективной идентичности, в своей основе имеет географически фиксируемое пространство, место, территорию. Таким образом ее носитель проявляет способность к пространственно-временной идентификации, ценностному соотношению «своей» территории с внешним миром [1]. Актуальность изучения данного аспекта групповой идентичности связана с регионализацией политического пространства в современной России, на фоне которой ориентиры населения либо способствуют, либо препятствуют развитию региональных сообществ.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фундаментом для методологической базы анализа групповой идентичности можно считать ряд работ, исследующих проблему идентичности как феномена. Это в первую очередь философские работы различных школ и направлений, связанные с проблемами человеческой сущности и самопознания. В ходе длительной эволюции философской мысли были сконструированы такие дискурсы, как «личность», «субъект», «индивид», «другой», «аутентичность» и др. Более глубокие исследования, которые привели к понятию социальной идентичности, реализовывались в рамках социально-гуманитарного знания и акцентировали внимание на формирование идентичности в определенных условиях определен-

ного сообщества. Здесь можно выделить работы представителей таких направлений психологии, как психоанализ, психология сознания, гуманистическая и когнитивная психология (У. Джеймс, З. Фрейд, А. Маслоу, Д. Тернер Э. Эриксон и др.). В рамках символического интеракционизма (Дж. Мид, Г. Гарфинкель и др.) идентичность показана как результат социального опыта, сформированного социальными отношениями и условиями. Социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукманна представляет идентичность как результат социализации в конкретном обществе [10]. В отечественной науке проблемам идентичности посвятили свои труды М. Н. Губогло, В. А. Ядов, М. В. Заковоротная, Р. Г. Абдулатипов, О. Ю. Малинова, Ю. Г. Волков и др. [4]

Этнокультурный аспект групповой идентичности требует прежде всего терминологического прояснения. Как отмечают Ю. П. Зинченко и Л. А. Шайгерова, в ходе более полувековой истории эмпирического изучения этнокультурных аспектов идентичности и поиска валидных индикаторов, исследователи пытались сформулировать адекватный объект исследования. За этот период было предложено до 80 таких индикаторов, но теоретические разграничения между понятиями «культурная», «этническая», «расовая» идентичность, «этничность» и другими так и не оформились, а терминологическая путаница существует до сих пор. Как подчеркивают авторы, большинство упомянутых исследований связаны с изучением этно- и социокультурных аспектов идентичности, в связи с чем использование концепта «этнокультурная идентичность» они посчитали для себя наиболее приемлемым [5]. Мы разделяем точку зрения коллег и в основе своего анализа опираемся именно на это понятие, поскольку оно методологически ближе к задачам, которые мы пытаемся решить с помощью социологического инструментария.

Понимание этнической идентичности, являющейся ядром этнокультурной, возникло на базе работ, составляющих исследование этноса и этничности. Вся совокупность взглядов, сформировавшихся с начала XX в., можно представить в виде спектра с двумя полярными позициями:

с одной стороны, этнос — это сугубо биологическое явление (Г. Лебон, С. М. Широкогоров, Л. Н. Гумилев и др.), с другой — социокультурное (Ю. Б. Бромлей, Н. В. Шелепов, С. А. Арутюнов, В. И. Козлов и др.) [10]. Исследования современных отечественных ученых (В. А. Тишков, Л. М. Дробижева, В. С. Малахов, О. И. Генисаретский и др.) позволили систематизировать обширный эмпирический материал и создать теоретико-методологическую основу для региональных этносоциологических исследований.

Региональная идентичность как объект исследования социальных и политических наук актуализировалась в нашей стране на рубеже веков по причине бурных социально-экономических и политических преобразований. Сегодня в литературе представлено множество работ с методологическими разработками, типологиями и определениями. В частности, О. А. Кармадонов и Г. Д. Ковригина указывают на сложность социологического анализа региональной идентичности. По их мнению, она может быть объяснена с использованием комплексного подхода на стыке социологии, психологии и социобиологии [6]. Г. С. Корепанов отмечает, что изучение региональной идентичности необходимо осуществлять через социальный контекст, социальный порядок и социальную культуру [7]. А. В. Лубянов выделяет три фактора возникновения региональных сообществ: территория, духовная и этнокультурная близость людей локального социума, легитимация социально-экономических и культурных новаций, а также селекция существующих традиций [9].

Методы

Работа базируется на опросе, реализованном авторами в мае-июле 2022 г. среди жителей городов Тюменской области (без ХМАО-Югры и ЯНАО). В частности, опрашивались респонденты из Тюмени, Тобольска, Ишима. К опросу были привлечены две категории респондентов: студенты и представители основного населения, включающего все возрастные и социально-демографические когорты. В Тюмени студенты в основном отбирались из двух крупнейших регио-

нальных вузов: ТюмГУ и ТИУ. В Тобольске и Ишиме опрашивались соответственно студенты Тобольского и Ишимского многопрофильных техникумов.

С точки зрения исследуемой проблематики Тюменская область, в том числе выбранные города, представляются показательными по ряду причин. Тюмень — это областная столица и логистический центр для всего Западно-Сибирского региона, включая Ханты-Мансийский автономный округ — Югру и Ямало-Ненецкий автономный округ. Жители города активно взаимодействуют с большим количеством приезжих: студентов, туристов, трудовых мигрантов, а также сами участвуют в миграционных процессах: работают вахтой в северных областях, путешествуют. Тобольск сегодня является центром познавательного туризма в регионе и крупным промышленным центром страны в области газохимии. Поэтому наряду с путешественниками сюда приезжают специалисты из многих регионов России и зарубежных стран. Ишим — крупный региональный сельскохозяйственный центр, по территории которого проходят транспортные пути, связывающие область с Уралом, Восточной Сибирью и Северным Казахстаном. Таким образом, в Тюменской области коммуникационные процессы протекают достаточно интенсивно, что делает этот регион привлекательным для этнодемографических исследований.

Полевые работы по опросу студентов и населения были сопряжены со сложностями объективного характера. Географическая удаленность Тобольска (250 км) и Ишима (269 км) от Тюмени затрудняют организационное, логистическое и коммуникационное взаимодействие участников полевых работ, увеличивая затрачиваемые ресурсы. В этой связи к полевым работам были привлечены муниципальные учреждения, к числу основных направлений работы которых относится волонтерская деятельность.

Всего, согласно предоставленной выборке, было опрошено 400 человек, из которых 200 студентов и 200 представителей основного населения. Среди студентов в равных долях были отобраны представители технических и гума-

нитарных специальностей, а также мужского и женского пола. При отборе основного населения учитывались половозрастные характеристики (в пропорциях, соответствующих статистическим данным), а также место проживания респондентов (город или предместье — в равных долях). Опрос обеих категорий респондентов осуществлялся по идентичной анкете, что позволяет рассматривать полученные данные в сравнении друг с другом.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Возможность сплочения граждан в условиях последствий пандемии, усиливающегося санкционного давления со стороны западных стран и других негативных сценариев представляется важным фактором для преодоления возникающих социальных рисков и угроз внешнего характера. Способность граждан к объединению для достижения общих целей позволяет удерживать существующие в обществе институты и структуры и служит своеобразным «социальным иммунитетом».

На первый вопрос анкеты об ощущении общности, близости с гражданами России большинство респондентов ответили нейтрально: вариант «иногда» выбрали 48% студентов и 39% респондентов других категорий, а второй по популярности вариант ответа «часто» отметили соответственно 40% и 38,5%. Обращает на себя внимание, что вариант «всегда» студенты отмечали в два раза реже остальных: 8% против 16,5%, в то же время и другой «крайний» вариант — «никогда» они также выбирали чуть реже: 4% против 6%. Полученные результаты свидетельствуют о более умеренных взглядах студенческой молодежи по сравнению с населением в целом.

Для нашей страны, история которой сопровождалась постоянными социально-экономическими и политическими потрясениями, вопрос консолидации имеет особое значение. В этой связи вопрос анкеты о факторах, объединяющих российский социум, является показательным. Из списка консолидирующих факторов респондентам предлагалось выбрать не более трех

наиболее значимых. В подвыборке основного населения на первом месте оказалось «общее государство» (население — 51,5%, студенты — 41%). Отметим, что доля студентов, которые выбрали данный вариант, по сравнению с 2021 г., существенно снизилась (годом ранее она составляла 66%), а сама позиция по популярности перешла с первого на третье место. Вторым по популярности у основного населения (первым у студентов) стал вариант «родная земля, территория, природа» (население — 49%, студенты — 58%). Распространенность данной позиции по сравнению с предыдущим годом у населения не изменилась, а у студентов значительно выросла (с 49%). Третье место у населения и пятое у студентов — «русский язык» (население — 42,5%, студенты — 38%). В обеих группах значимость этого фактора существенно снизилась (в 2021 г.: население — 53%, студенты — 57%). Двумя другими факторами, замыкающими пятерку наиболее популярных ответов, стали: «историческое прошлое» (население — 39%, студенты — 39%) и «культура, обычаи, праздники» (население — 25,5%, студенты — 34%). Существенных изменений по сравнению с прошлым годом эти варианты не претерпели. Варианты «ответственность за судьбу страны» (население — 39%, студенты — 55%) и «общие символы (флаг, герб)» (население — 15,5%, студенты — 10%) оказались наименее популярными, а варианты «ничего не объединяет», «затрудняюсь ответить» и «другое» отмечались лишь в единичных случаях. Студенты, отметившие свой вариант, указывали такие альтернативы, как «негативное отношение к правительству» и «недоверие власти». Единичный случай выбора варианта «другое» среди основного населения сопровождался комментарием: «Со всеми гражданами — ничего. Если и объединяет, то только с отдельными».

Общенациональная российская идентичность важна с точки зрения решения ключевых задач внутренней политики. Ее ключевой функцией является формирование стратегической самоопределенности, позволяющей четко формулировать и отстаивать национальные интересы. Данный тезис подтверждается существованием

в нашей стране Дня народного единства — государственного праздника, отмечаемого 4 ноября, начиная с 2005 г. В нашем исследовании ощущение принадлежности респондентов к российскому народу эмпирически фиксировалось по пятибалльной шкале. Результаты показывают, что уровень общенациональной идентичности остается высоким как среди основного населения, так и среди студентов. В подвыборке основного населения суммарная доля респондентов, поставивших четыре или пять баллов составила 76,5% (четыре балла — 24%, пять баллов — 52,5%), в студенческой подвыборке — 65% (четыре балла — 31%, пять баллов — 34%). Так же, как и в предыдущей волне исследования, отмечается значительная разница в доле населения и студентов, выбравших максимальный балл (18,5%), что подтверждает тезис о более умеренных политических, в т. ч. патриотических взглядах молодого поколения. Средний балл выбрала четверть студентов (26%) и почти пятая часть населения (18%), а на один или два балла свою общенациональную идентичность оценили в совокупности 9% студентов и 5,5% основного населения.

Демонстрируя в целом высокий уровень общенациональной идентичности, респонденты в очередном вопросе анкеты указали, что в основном испытывают «чувство гордости» (население — 52%, студенты — 43%) и «чувство защищенности» (население — 17,5%, студенты — 24%). Равное количество респондентов в обеих подвыборках (21%) отметили вариант «никаких особых чувств не вызывает». Негативные чувства либо свой вариант ответа отметила примерно десятая часть респондентов в обеих изучаемых категориях. В частности, «ощущение неуверенности» — население — 4%, студенты — 10%, «чувство досады, обиды» — население — 4%, студенты — 1%. Содержательные ответы респондентов, выбравших вариант «другое», представлены следующими высказываниями: «В советское время — безусловно гордость, а сейчас почти никаких чувств»; «В разных жизненных ситуациях самоощущение может быть разным».

Исследование ценностной проблематики в контексте консолидации населения сегодня представляется актуальной задачей. Это связано с тектоническими изменениями, происходящими в последние годы в жизнедеятельности российского общества. Глубокие трансформации в социально-экономической и политической сферах неминуемо ведут к коренным изменениям ценностей и отражаются на поведенческих практиках граждан [8]. Эти процессы, в свою очередь, требуют постоянного мониторинга, поскольку лежат в основе социальной стабильности в обществе. Ценностная основа консолидации населения проявилась в ответах на следующий вопрос анкеты. В формулировке вопроса респондентам предлагалось выбрать из списка «общих ценностей, являющихся для российского общества базовыми» не более трех вариантов.

На первое место с большим отрывом вышла ценность «патриотизм, любовь к родине» (население — 62,5%, студенты — 54%). Вторая-третья позиции у таких просоциальных ценностей, как «справедливость, правда» (население — 34%, студенты — 33%) и «социальная ответственность, забота об окружающих» (население — 33%, студенты — 26%). Далее в порядке убывания следуют следующие ценности: «традиционность» (население — 36%, студенты — 28%), «свобода» (население — 22,5%, студенты — 31%), «творчество, самореализация» (население — 12,5%, студенты — 18%), «власть, доминирование» (население — 15%, студенты — 18%), «богатство, высокий уровень жизни» (население — 19,5%, студенты — 14%), «успех» (население — 16%, студенты — 18%). Также отметим, что значительная часть опрошенных в обеих подвыборках затруднилась с ответом на этот вопрос (население — 6,5%, студенты — 11%). Приведенные результаты демонстрируют преобладание у молодого поколения ценностей свободы и творчества, что вполне закономерно с учетом возрастной специфики целеполагания.

Следующий вопрос анкеты посвящен мнению респондентов относительно правильного обобщенного названия российского народа как социально-политической общности, историче-

ски сформировавшейся на территории страны. Терминологический аспект позволяет проследить существующий в общественном мнении акцент на этнической или политической стороне. Это также представляется важным с точки зрения оценки гражданского и этнического согласия среди населения.

Более половины респондентов обеих рассматриваемых подвыборок считают, что «людей, представителей всех народов, живущих в России», правильно называть «россияне» (население — 56%, студенты — 53%). Пятая часть респондентов посчитала, что правильное название — «русский народ» (население — 19%, студенты — 22%). Вариант «русские» отметили 14,5% студентов и 12% населения, а тех, кто выбрал «никак, нет общего названия», по 4% в обеих подвыборках. Затруднились с ответом около 5%. Среди тех, кто выбрал свой вариант ответа, чаще всего предлагалось называть россиян «граждане Российской Федерации».

Сегодня существует множество подходов к категории «родина». Пространственно-порождающий подход раскрывает это понятие в самом широком смысле, подчеркивая базовую функцию — место рождения. Этногеографический подход несколько сужает пространственные границы, а витальный подход представляет родину в виде живого субъекта, позволяющего наполнить ее образно-эмоциональными элементами и представить в виде высшей ценности (Родина-мать). Конструктивистский подход предполагает рассмотрение родины как продукта социальной деятельности и подчеркивает такие ее свойства, как конкретность и историчность в рамках национального менталитета. Духовно-нравственный подход представляет родину как объективную по содержанию, но субъективную по форме существования ценность [13].

В рамках нашего исследования вопрос, посвященный родине, был направлен на определение масштаба территориальной общности, с которой себя ассоциируют респонденты. Большинство респондентов в обеих исследуемых подвыборках считают своей родиной Россию (население — 62%, студенты — 51%). Выбор

остальных предложенных вариантов оказался примерно равномерным, за одним исключением: «географический регион (Урал, Сибирь, Дальний Восток)» (население — 12%, студенты — 10%), «свой регион (область, республика)» (население — 13,5%, студенты — 11%), «свой город/свое село» (население — 10%, студенты — 27%). Заметно, что среди студентов по сравнению с основным населением существенно ниже доля выбравших вариант «Россия» и выше доля считающих своей родиной определенный населенный пункт. Открытый вариант («другое»), в котором респондентам предлагалось самостоятельно вписать то, что они понимают под родиной, выбирался нечасто. Всего два студента вписали, что под родиной они понимают «город, в котором родилась и выросла» и «родной город». В категории основного населения свой вариант отметили три респондента, два из которых указали своей родиной ныне не существующую страну — «СССР», «Советский Союз», а еще один — «свое жильё». Таким образом респонденты из числа студентов своей родиной чаще считают локальные социально-территориальные образования.

Определяя концепт «малая родина» как самостоятельную константу, характеризующуюся спецификой мировосприятия жителей конкретной местности, особенностями характера и иных качеств сообщества, важно отношение респондентов к своей малой родине. В этом смысле региональная идентичность связана с общими ценностями и установками по отношению к своему месту проживания, базирующимися на климате, качестве жизни, историческом прошлом, экономической специализации и др. [3]

В нашем исследовании респондентам было предложено оценить то, насколько для них важна «региональная идентичность» и «малая родина». Распределение ответов на данный вопрос в обеих подвыборках оказалось тождественным с небольшим отклонением в выборе самого высокого балла в пользу основного населения. На пять баллов ее оценили 45,5% населения и 39% студентов. На четыре балла — 27,5% населения и 26% студентов. На три балла — 21,5% населения и 27% студентов. На два балла — 4,5% населения и 7% студентов. На один балл — 1% населения и 1% студентов.

Ответы на следующий вопрос анкеты, направленный на выявление мнения респондентов о факторах консолидации жителей крупных региональных образований, позволил выявить специфику сравниваемых подвыборок. Формулировка вопроса в анкете звучала следующим образом: «Что, по-Вашему, объединяет жителей больших регионов России — уральцев, сибиряков, дальневосточников?» Различия в выборе самого популярного варианта — «место проживания, территория» (население — 68,5%, студенты — 53%) составили 15%. Другие заметные расхождения в выборе можно проследить на примере вариантов: «специфическая культура» (население — 27%, студенты — 40%), «черты характера» (население — 19%, студенты — 31%), «особое отношение к жизни, состояние души» (население — 29,5%, студенты — 41%). Также бросается в глаза вариант «ничего не объединяет» (население — 7,5%, студенты — 1%). Примерно в равной степени отмечались варианты: «историческая судьба, прошлое» (население — 44%, студенты — 43%) и «экономика, занятия, образ жизни» (население — 41%, студенты — 38%). Представленные результаты позволяют сделать вывод о том, что студенческая молодежь в качестве факторов консолидации чаще видит сущности ментального плана: культуру, характер, отношение к жизни.

Следующие три вопроса анкеты были направлены на выявление этнической принадлежности респондентов. Формулировки вопросов выглядят следующим образом: «Какова Ваша этническая принадлежность (национальность)?»; «Если у Вас больше, чем одна национальность, то напишите вторую»; «Если Вы затрудняетесь ответить на вопрос о своей этнической принадлежности (национальности), то напишите, почему».

Несмотря на то что современные россияне в основном государственном документе, удостоверяющем личность, — паспорте не указывают свою национальность, для исследовательских целей этот вопрос остается актуальным. Это связано с тем, что этническая идентичность является хотя одним из многих, но крайне стабильным фактором самоидентификации. Этнос

имеет ряд преимуществ перед другими группами, исключить из которого человека практически невозможно. В современной социокультурной ситуации доминирование этнических установок постепенно размывается, однако этнос все еще остается для человека стабильной областью поддержки, которая в кризисные ситуации лишь усиливается. В молодости формирование этнической идентичности особо значимо и может значительно повлиять на его жизненный путь, а в масштабах социума — на стабильность всего общества. Формирование положительной либо отрицательной направленности этнических установок во многом зависит от социально-экономической и политической ситуации в стране.

В нашем исследовании вполне ожидаемым стало указание подавляющим большинством респондентов национальности «русский/русская». В группе основного населения доля таковых составила 82%, а среди студентов — 72,3%. Такое различие в национальном составе изучаемых подвыборок закономерно, поскольку в составе студентов довольно большая доля приезжих на обучение из других регионов и стран. На втором месте по численности — татары (население — 4%, студенты — 9%). Остальные указанные национальности указывались в единичных случаях, в частности были упомянуты: азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, ингуши, казахи, киргизы, коми-зыряне, лезгины, мордва, немцы, ногайцы, украинцы, финны, чуваша. Отметим, что полученные результаты коррелируют с данными переписи населения 2010 г., согласно которой в Тюменской области проживает 83,8% русских и 8,1% татар.

Вторую национальность указала почти третья часть студентов (30%) и пятая часть респондентов из числа основного населения (15%). В основном здесь упоминались русская и татарская национальности, а среди тех национальностей, которые не были упомянуты в предыдущем вопросе, отмечались китайцы, якуты, карачаевцы, узбеки, цыгане, евреи, коми, чеченцы.

Респонденты, которые затруднились указать свою национальность, объясняли это следующим образом: «планирую делать ДНК тест и узнать

все корни», «предки редких национальностей», «неизвестны многие родственники, корни», «живу в России всю жизнь», «казак», «я не уверена, что полностью русская», «не соответствие внешности», «более трех».

На вопрос о том, что является главным при определении этнической принадлежности (национальности) человека, больше половины респондентов в каждой из изучаемых подгрупп выбрали вариант «национальность отца» (население — 52,5%, студенты — 56%). Второй по популярности вариант — «национальность матери» (население — 44%, студенты — 47%), третий — «родной язык» (население — 43%, студенты — 44%). Далее в порядке убывания популярности следуют: «культура» (население — 40%, студенты — 35,5%), «религия» (население — 21%, студенты — 17%), «место проживания (например, республика, национальный округ, национальный район)» (население — 18%, студенты — 18%), «воспитание» (население — 16%, студенты — 16,5%), «желание человека» (население — 12%, студенты — 9%), «обстоятельства (жизнь может сложиться по-разному)» (население — 6,5%, студенты — 5%). Затруднились с ответом 4,5% основного населения и 3% студентов. При ответе на данный вопрос у респондентов была возможность выбрать до трех вариантов ответов, поэтому итоговый процент в сумме составляет более 100%.

В следующем вопросе анкеты респондентам было предложено оценить, насколько для них важна собственная этническая принадлежность, для чего была предложена пятибалльная шкала. Полученные результаты показывают, что структуры оценок в разных подвыборках различаются. Так, если у респондентов основного населения идет постепенное снижение числа выбранных вариантов по мере уменьшения балла: пять баллов — 42,5%, четыре балла — 24%, три балла — 21,5%, два балла — 6,5%, один балл — 5,5%, то у студентов разброс ответов крайне неравномерный: пять баллов — 33%, четыре балла — 17%, три балла — 31%, два балла — 9%, один балл — 10%. Среднее значение у подвыборки основного населения — 3,915, у студентов — 3,55.

Полученные результаты свидетельствуют о снижении роли этнической идентичности у новых поколений россиян, что подтверждается рядом других исследований.

Основные этнообъединяющие признаки своей этнической общности респонденты отметили в очередном вопросе анкеты с формулировкой: «Что, по-Вашему, объединяет представителей Вашей этнической принадлежности (национальности)? Не более трех вариантов, если у Вас несколько национальностей (отметьте варианты для первой из них)». Большинство респондентов обеих подвыборок указали на «национальный язык» как главный интегрирующий фактор (население — 58,5%, студенты — 52%). Также значительное количество респондентов отметили «национальная культура» (население — 40%, студенты — 49%) и «историческая судьба, прошлое» (население — 34%, студенты — 43%). Далее следуют «черты характера, менталитет, психология» (население — 31%, студенты — 35%), «обычаи, обряды, традиции» (население — 27%, студенты — 22%), «религия» (население — 22%, студенты — 14%), «место проживания, территория» (население — 17,5%, студенты — 19%), «родственные связи» (население — 17,5%, студенты — 18%), «внешность» (население — 7,5%, студенты — 12%), «занятия и образ жизни» (население — 6%, студенты — 7%), «национально-культурные общественные организации» (население — 2%, студенты — 3%).

Отмечая, на какие сферы жизни влияет этническая принадлежность, респонденты чаще всего указывали культурную (население — 41%, студенты — 54%) и семейную (население — 40%, студенты — 44%). Заметные расхождения в рассматриваемых подвыборках наблюдались в оценках профессиональной (население — 17%, студенты — 10%), религиозной (население — 20,5%, студенты — 28%) и политической (население — 11%, студенты — 21%) сфер. Значительное число респондентов указали, что национальность никак не влияет на жизнь (население — 32%, студенты — 26%), а довольно большая доля, особенно в подвыборке основного населения, затруднилась с ответом (население — 9,5%, студенты — 3%).

Позитивное представление о своей этнической группе дает человеку ощущение психологической безопасности и стабильности. В нашем исследовании большинство респондентов указали, что принадлежность к своему народу вызывает у них чувство гордости (население — 55%, студенты — 48%). На втором по популярности месте оказался вариант «никаких особых чувств не вызывает» (население — 29%, студенты — 28%). Ощущение защищенности испытывают 10,5% из числа населения и 17% студентов. Негативные чувства отмечались в единичных случаях: ощущение неуверенности (население — 2,5%, студенты — 3%), чувство досады, обиды (население — 2%, студенты — 4%).

Следующие два вопроса анкеты были посвящены исторической памяти и подразумевали самостоятельное упоминание респондентами, во-первых, важнейших дат и событий из истории своего народа, во-вторых, великих людей, которых респонденты считают символом своего народа.

Чаще всего респонденты упоминали даты и события, связанные с Великой Отечественной войной. В частности, на это указывают такие ответы, как «День победы», «9 Мая», «победа в 1945», «1941-1945», «Вторая мировая» и т. д. К числу других событий, которые активно упоминались респондентами, можно выделить «крещение Руси» и «День независимости». Заметно реже можно было встретить варианты, связанные с Отечественной войной 1812 г. («победа над Наполеоном», «Бородинское сражение» и т. д.), Революцией 1917 г., распадом Советского Союза, присоединением Крыма. В свете событий, начавшихся в феврале 2022 г., отдельные респонденты в своих комментариях упоминали СВО. Часть респондентов, представителей национального меньшинства, указывали народные этнические праздники или значимые события, связанные с историей народа, например, «геноцид армян», «основание Казани». Рассматривая различия в ответах студентов и основного населения, можно отметить более частые упоминания старшим населением событий, связанных с СССР. Студенты же заметно чаще упоминали Великую Отечественную войну.

Отмечая персоны из числа представителей национальности респондентов, которых они считают великими людьми и символами народа, чаще всего упоминался действующий президент РФ В. В. Путин — это самая популярная персона как в подвыборке основного населения, так и среди студентов. Один из респондентов-студентов даже отметил: «Символ народа — это в первую очередь президент». Другими известными личностями, наиболее часто упоминаемыми в обеих подвыборках, оказались Ю. А. Гагарин, И. В. Сталин, Пётр I.

В единичных случаях среди населения упоминались следующие личности:

— писатели и деятели культуры: А. А. Ахматова, А. П. Чехов, А. С. Пушкин, В. П. Астафьев, Владимир Высоцкий, Габдулла Тукай, И. С. Тургенев, И. С. Шмелёв, Л. Н. Толстой, М. Ю. Лермонтов, Муса Джалиль, С. А. Есенин, Ф. М. Достоевский;

— политические и военные деятели: А. А. Леонов, А. В. Суворов, А. П. Мересьев, адмирал Ф. Ф. Ушаков, Александр Невский, богатырь Манас, В. И. Ленин, В. И. Чуйков, В. Н. Карват, Дмитрий Донской, Е. Р. Дашкова, Екатерина II, Иван Грозный, Илья Муромский, княгиня Ольга и сын ее Святослав, Кучум, маршал Г. К. Жуков, Николай II, руководитель Белорусской ССР П. М. Машеров, С. Л. Марков, Хаджи-Давуд;

— ученые, изобретатели и конструкторы: А. С. Макаренко, В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, З. В. Ермольева, М. В. Ломоносов, М. Т. Калашников, Н. И. Пирогов, Семён Ремезов;

— религиозные деятели: Валентина Толкунова, Василий Чуйков, Евгений Родионов, Иоанн Кронштадский, св. Олег Брянский, св. Пётр и Феврония, святитель Филофей Лещинский, Серафим Саровский, Сергей Радонежский и подобные им;

— спортсмены: Борис Шахлин, Салават Юлаев.

В студенческой подвыборке набор упомянутых личностей оказался значительно скромнее. Здесь в единичных случаях указывались: А. В. Суворов, А. Д. Сахаров, А. И. Солженицын, А. П. Чехов, А. С. Пушкин, Александр Невский, Александр II, В. И. Беринг, В. О. Каппель,

Вагит Алекперов, Г. К. Жуков, Гейдар Алиев, Екатерина II, Иван Грозный, Ираклий, К. К. Рокоссовский, князь Владимир Красно Солнышко, Л. Н. Толстой, М. В. Ломоносов, Муса Джалиль, Николай II, П. А. Столыпин, П. И. Чайковский, Полат Бюльбуль оглы, Салават Юлаев, Тигран Великий, Ф. М. Достоевский, Фарман Салманов, Хаджи-Давуд, хан Батый, Чингисхан, Шаймиев, Ю. М. Лермонтов. Следует отметить, что довольно часто студенты вместо известных людей указывали «мой дед», «дедушка», «дед, победивший в войне» и др. Очевидно, что формированию подобных установок способствует проведение 9 Мая ежегодной акции «Бессмертный полк».

В вопросе о вероисповедании большинство респондентов отметили вариант «православный» (население — 70,5%, студенты — 44%). Следующий по популярности вариант «атеист» студенты выбирали более чем в два раза чаще (население — 11,5%, студенты — 26%), а тех, кто считает себя верующим, но не принадлежит к конкретной конфессии, оказалось 8% среди основного населения и 11% среди студентов. Мусульман среди респондентов оказалось 5% и 10% соответственно среди населения и студентов, а католиков по 1% в каждой подвыборке. Затруднились с ответом на данный вопрос по 3% в каждой из подвыборок.

В странах с многонациональным населением существует риск возникновения бытового национализма. Несмотря на то что это явление существовало всегда, важно, чтобы его проявления носили характер скорее исключения, чем правила. В нашем исследовании уровень бытового национализма мы определяли при помощи вопроса анкеты, направленного на выявление отношений между представителями национальности респондента и другими. Результаты показывают, что в целом отношения благоприятные, а крайние ситуации, связанные с бытовым национализмом, возникают в единичных случаях. Варианты «доброжелательные» и «нормальные, бесконфликтные» в совокупности были отмечены двумя третями респондентов в каждой из подвыборок (население — 79%, студенты — 77%). Существование напряженности и конфликтность

указали 8,5% представителей основной подвыборки и 8% студентов. Посчитали эти отношения взрывоопасными, способными перерасти в открытые конфликты, указали 4% из числа населения и 3% студентов. Затруднились с ответом на этот вопрос 8,5% населения и 12% студентов.

Исходя их ответов респондентов на следующий вопрос, выяснилось, что уровень принятия человека другой национальности в обеих подвыборках довольно высокий, но у студентов эта доля заметно выше — в среднем на 10-15% (таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В качестве кого Вы готовы принять человека другой национальности?», в %

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question: "Who are you ready to accept a person of another nationality as?", %

Варианты ответов		Всегда	В каких-то случаях	Никогда	Затрудняюсь ответить
Гостя, туриста в нашей стране	Население	62,5	21,5	5	11
	Студенты	77	18	2	3
Гражданина нашей страны	Население	48,5	37	5,5	9
	Студенты	54	25	4	7
Коллеги по работе	Население	57	31	4	8
	Студенты	72	19	1	8
Соседа по дому	Население	49,5	34	6	10,5
	Студенты	64	27	3	6
Близкого друга	Население	54,5	31	4	10
	Студенты	70	20	2	8
Матери/отца ваших детей	Население	45	27,5	14	13
	Студенты	58	22	6	14
Вашего супруга/супруги	Население	45	28	13	14
	Студенты	58	25	4	13

Другим выводом, который можно сделать из представленной таблицы 1, является рост количества респондентов, не готовых принять человека другой национальности по мере сокращения социальной дистанции. Так, если представителя другой национальности в качестве гостя, туриста или гражданина нашей страны никогда не примут лишь 2-5% респондентов, то в качестве родителя своих детей или своего супруга/супруги — уже до 14%. Отдельно стоит обратить внимание на высокую долю респондентов, выбравших вариант «затрудняюсь ответить».

В очередном вопросе анкеты респондентам было предложено выбрать меры, которые бы способствовали сохранению национальной са-

мобытности народа. Ключевая роль, по мнению опрошенных, принадлежит «литературе по культуре и истории» (население — 60%, студенты — 63%), на втором месте «фестивали, праздники» (население — 37%, студенты — 42%), на третьем — «общественные объединения» (население — 23%, студенты — 38%). Оставшиеся варианты в порядке убывания популярности выглядят следующим образом: «национальные музеи» (население — 23%, студенты — 32%), «фольклорные коллективы» (население — 18%, студенты — 14%), «национальные СМИ» (население — 18,5%, студенты — 10%), «языковые курсы» (население — 14,5%, студенты — 17%), «национальные школы» (население — 11,5%, студенты — 12%), «ничего не нужно» (насе-

ние — 12%, студенты — 4%), «национальный театр» (население — 9%, студенты — 8%), «национальное телевидение» (население — 7,5%, студенты — 7%), «компактное проживание» (население — 6,5%, студенты — 6%).

Последний содержательный вопрос анкеты предполагал оценку респондентами степени важности для них различных видов идентичности: общероссийской, региональной и этнической (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая из этих трех идентичностей наиболее важна для Вас?», в %

Table 1. Distribution of respondents' answers to the question: "Which of these three identities is most important to you?", %

Варианты ответов		Важна	Средний уровень	Менее важна
Общероссийская, гражданская идентичность	Население	61	23	16
	Студенты	53	27	20
Региональная	Население	17,5	53	29
	Студенты	20	52	28
Этническая (национальность)	Население	21,5	24	54
	Студенты	27	21	52

Из данных таблицы 2 видно, что для респондентов наиболее значима общероссийская, гражданская идентичность. Этническая идентичность отмечалась респондентами как наименее важная, а региональная — заняла промежуточное положение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая приведенные результаты исследования, можно сделать вывод о том, что у населения Тюменской области отсутствуют экстремальные проявления этнокультурной и региональной идентичностей. Ценностные и нормативные установки в данных аспектах носят позитивную направленность, а процесс социального взаимодействия в рамках существующих систем идентичностей тюменцев происходит без напряженности. В то же время в рамках различных

социальных групп, этнокультурные и гражданские установки могут значительно различаться. Так, студенческая молодежь по сравнению с основным населением демонстрирует свою идентичность умеренно. Они в меньшей степени проявляют этнорелигиозные установки, более толерантны к представителям иных идентичностей и чаще ориентированы на творчество, самореализацию и личностный успех.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнёва Е. В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура / Е. В. Головнёва // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42-50.
2. Дробижева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации / Л. М. Дробижева // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.
3. Еремина Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа / Е. В. Еремина // Регионоведение. 2011. № 3 (76). С. 216-222.

4. Жаде З. А. Проблема идентичности в современных социальных теориях / З. А. Жаде // *Философия и общество*. 2007. № 2 (46). С. 173-184.
5. Зинченко Ю. П. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности: в поисках продуктивного подхода / Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгерова // *Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России*. М.: Факультет психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 23-44.
6. Кармадонов О. А. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний / О. А. Кармадонов, Г. Д. Ковригина // *Социологические исследования*. 2018. № 10. С. 14-23. DOI: 10.31857/S013216250002154-2
7. Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического исследования / Г. С. Корепанов // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2009. № 1. С. 16-23.
8. Кошарная Г. Б. Ценностные основы консолидации населения России / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // *Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2015. № 1 (33). С. 185-191.
9. Лубянов А. В. Региональная общность как объект социологического анализа / А. В. Лубянов // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2014. № 1 (33). С. 60-69.
10. Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития: автореф. дисс. канд. филос. наук / Ю. В. Мухлынкина. М.: Военный ун-т мин. обороны РФ, 2011. 21 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2009. № 2. С. 3-17.
12. Фомина Ю. И. Специфика этнической идентичности у современной российской молодежи / Ю. И. Фомина // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 4. С. 103-110.
13. Чикаева Т. А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина» / Т. А. Чикаева // *Вестник Вятского государственного университета*. 2018. № 2. С. 40-49.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106

UDC 316.4/.6

Group identity of the population of the West Siberian region of Russia: ethno-cultural and regional aspects

Shamil F. Farakhutdinov¹, Vera P. Klyueva²

¹ Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of the Problems of Northern Development (Tyumen, Russia); Senior Researcher, West Siberian Branch Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russia)
ORCID: 0000-0002-0849-7248
fshamil@mail.ru

² Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of the Problems of Northern Development (Tyumen, Russia)
ORCID: 0000-0001-5594-3952
vormpk@gmail.com

Abstract. This article studies the peculiarities of the ethno-confessional and regional identity of the Tyumen Region population. The relevance of this study can be explained by the need of scientifically based ideas on the attitudes of the region's multinational population in the context of the intensifying migration processes, as well as the unstable domestic and foreign political situation in the country. This paper analyzes the results of a sociological survey conducted by the authors in May-July 2022 in the Tyumen Region. Empirical material is presented in a comparison of answers in the questionnaire of students and the general population. An analysis of two main thematic blocks of the study is presented. The first analysis, dedicated to civic and regional identity, considers such aspects, as a sense of community with the citizens of Russia, terminological manifestations of the ethnic/political aspects of this sense of self, as well as consolidating factors and their value base; territorial specificity of the perception of the Motherland concept, the importance of regional identity and the "Small Motherland". The second block reveals questions related to the ethnic identity of the respondents. It considers such aspects as: ethnic identity, factors and assessment of the importance of belonging to one's ethnic group; ethno-unifying features; the influence of the ethnic group on various spheres of life; historical memory; interethnic relations and manifestations of domestic nationalism. Language and confessional aspects are partially affected. The results show the positive valency of the ethnic value-normative structure and the absence of significant barriers in interpersonal communication of the region population associated with the established models of identity.

Keywords: ethnos, confession, language, identity, citizenship, patriotism, tolerance, region, population, sociological research.

Citation: Farakhutdinov Sh. F., Klyueva V. P. 2022. "Group identity of the population of the West Siberian region of Russia: ethno-cultural and regional aspects". Siberian Socium, vol. 6, no. 3 (21), pp. 92-106. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-3-92-106

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Ministry of Education and Science within the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity" 2020-2022.

REFERENCES

1. Golovnjova E. V. 2013. "Regional Identity as a Form of Collective Identity and its Structure". *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5, pp. 42-50. [In Russian]
2. Drobizheva L. M. 2014. "Ethnic Solidarity, Civil Consolidation and Prospects for Interethnic Accord in the Russian Federation". *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 1, pp. 119-129. [In Russian]
3. Eremina E. V. 2011. "Regional identity in the context of sociological analysis". *Regionologiya*, no. 3 (76), pp. 216-222. [In Russian]
4. Zhade Z. A. 2007. "Problema identichnosti v sovremennyh social'nyh teoriyah". *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2 (46), pp. 173-184. [In Russian]
5. Zinchenko Yu. P. Shajgerova L. A. 2016. "Methodological problems of studying ethno-cultural identity: in search of a productive approach". In: *Etnokulturnaya identichnost kak faktor sotsialnoy stabilnosti v sovremennoy Rossii*, pp. 23-44. Moscow: Faculty of Psychology, M. V. Lomonosov Moscow State University. [In Russian]
6. Karmadonov O. A., Kovrigina G. D. 2018. "Non-obviousness of Solidarity: the problem of empirical study of hard-to-verify social states". *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 14-23. DOI: 10.31857/S013216250002154-2 [In Russian]
7. Korepanov G. S. 2009. "Regional Identity as an Object of Sociological Research". *Sotsiologiya v sovremenno mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, no. 1, pp. 16-23. [In Russian]
8. Kosharnaja G. B., Korzh N. V. 2015. "Value foundations of the consolidation of the Russian population". *Izvestija VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, no. 1 (33), pp. 185-191. [In Russian]
9. Lubyantsev A. V. 2014 "Regional Community as an Object of Sociological Analysis". *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*, no. 1 (33), pp. 60-69. [In Russian]
10. Muhlynkina Ju. V. 2011. "Ethnic Identity: Essence, Content and Main Development Trends". *Cand. Sci. (Phylos.) diss. abstract*. Moscow: Voenny universitet ministerstva oborony RF. 21 pp. [In Russian]
11. Stefanenko T. G. 2009. "Ethnic identity: from ethnology to social psychology". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, no. 2, pp. 3-17. [In Russian]
12. Fomina Ju. I. 2016. "The specificity of ethnic identity in modern Russian youth". *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 103-110. [In Russian]
13. Chikaeva T. A. 2018. "Analysis of approaches to the definition of the concept of 'Motherland'". *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 40-49. [In Russian]